

Криминально-криминогенные феномены эпохи постправды

Третьяков И. Л.*

Ключевые слова: истина, право, информация, информационное общество, информационное воздействие, манипуляции, социальные сети, виртуальная реальность, общественное сознание, достоверность, доверие, ложь, фейковые новости, фейкт.

Аннотация.

Целью статьи является анализ неолиберальных воззрений, изначально обозначенных философами и политологами как «эпоха постправды».

Методическую основу исследования составили положения диалектического метода научного познания. В работе использовались: логический, конкретно-социологический и другие частные методы изучения общественного сознания, социальных и антисоциальных явлений, правовых реалий.

Результаты исследования: установлена деструктивная сущность феномена «постправда». Выявлены причины и условия его возникновения. Описано «фейковое мышление» как наиболее характерный признак эпохи постправды. Рассмотрены негативные последствия, связанные с распространением «фейков» (контента, не соответствующего действительности).

Выводы. Концепция постправды не позволяет рассматривать право как искусство добра и справедливости, поскольку лишь право, выступая в качестве универсальной коммуникации, способно противостоять лжи, лицемерию, хаосу. Легализация «фейков» подрывает основы государственного управления, демократии, гражданского общества. Популярность «цифровых провокаций» (особенно грамотно срежиссированных, эмоционально насыщенных, затрагивающих реально существующих действующих лиц или события, которые действительно имели место) огромна, потому что природа их — манипулятивна. Теория отечественного права, имея немало достижений в изучении социальных девиаций и кризисных явлений, в состоянии не только «переработать» феномен постправды, но и убедить общество в его надуманности, несостоятельности, деструктивности. Автор приходит к заключению, что, во-первых, существуют незыблемые истины и общечеловеческие ценности, инвариантные к воздействию технического прогресса, в которых нельзя сомневаться, иначе нарушится порядок вещей, а во-вторых, — произвольный выход за границы допустимого, пусть даже и в цифровом формате, едва ли приемлем в правовом государстве.

DOI: [10.21681/2226-0692-2020-2-21-24](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2020-2-21-24)

В 2016 г. в Оксфордском словаре было дано определение особому общественному феномену, порожденному постмодернизмом — постправде. В определении составители связали постправду с наступлением таких обстоятельств, таких детерминант, при которых реальные, объективные и общеизвестные факты нивелируются, утрачивают свою значимость и актуальность в массовом сознании, а при формировании общественного мнения подменяются эмоциональными оценками, субъективными убеждениями [3; 20; 21]. Этот термин и раньше был хорошо известен, особенно блогерам, политикам, журналистам, но его официальное признание столь авторитетным изданием вызвало бурную, положительную реакцию со стороны виртуального сообщества, более того, постправда была признана «словом года». Нескончаемые дискуссии вокруг этого феномена никогда не стихали, однако к 2020 году ясности в понимании постправды стало еще меньше. В основном исследователи

говорят как об обстоятельствах, положении дел, особом состоянии «после правды», так и о качественно иной реальности, замещающей правду, функционирующей «вместо правды».

Некоторые отечественные философы и социологи считают, что постправда является псевдоинтеллектуальным вирусом, закономерным порождением кризиса информационного общества, попыткой создания глобального гибридного сознания [19; 33, с. 95—110]. Есть мнение, что «постправда существует независимо от истины, конституируясь посредством эмоциональной вовлеченности и субъективной убедительности» [33, с. 107]. Другие (преимущественно представители контркультуры, радикального искусства) считают, что постправда — единственно возможный режим свободного функционирования смыслов [2, с. 68—69]. Конспирологи «находят» следы сатанизма (напомним, что согласно Библии, дьявол — лжец и отец лжи, это он в виде змея «дезори-

* Третьяков Иван Львович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебнотехнической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: fonduniver@mail.ru

ентировал» Еву и стал автором первого фейка о яблоке с древа познания добра и зла, искушал Христа).

Информационно-коммуникационные технологии способны реанимировать антиутопии О. Хаксли («Дивный мир» для золотого миллиарда) и (или) Дж. Оруэлла (суровый, напоминающий концентрационный лагерь «улей», где все пропитано страхом, ненавистью, доношительством, где за каждым «обитателем» наблюдает Большой Брат). Представляется, что концепции постправды, постдемократии и т. д. вполне соответствуют философии «Дивного мира» (сытого рая, населенного самодовольными конформистами). Но, как свидетельствует история, жизнь вносит свои коррективы в фантазии писателей. Нельзя ничего предугадать заранее, тем более, что во многих странах, например, таких как Россия, Индия, Аргентина, Бразилия и т. д., отчетливо прослеживается неприятие идей постмодернизма, выражено стремление к независимости (суверенитету) [12; 13; 14; 27], к поддержанию общечеловеческих ценностей [24] и национальных (самобытных) традиций [23; 25; 26].

Со времени появления «Никомаховой этики» Аристотеля любой мыслитель, начинающий рассуждать о правде, вступал на зыбкую почву. В современных условиях одни считают правду «оглашенной» истиной, другие — наиболее верным, приемлемым поведением, продиктованным близостью к истине, третьи настаивали (продолжают настаивать) на относительности права и истины, зачастую противопоставляя эти понятия, четвертые рассматривали правду в контексте некоего идеала — высшей нравственности, высшей справедливости, высшей истины. Правда — совокупность динамичных явлений, которые раскрываются в стремлении человека к наиболее точному, объективному познанию мира. Говоря о соотношении правды и истины, важно подчеркнуть, что правда может и не отражать истину.

Что же касается не одной, а множества «истин» XXI века (особенно нелиберальных, постмодернистских), то они никуда не исчезают, даже в эпоху постправды, хотя остается один нюанс — решать, что такое «истина», могут лишь власть имущие. Во всяком случае, они так считают и всеми доступными способами ограничивают, дискредитируют, преследуют несогласных: достаточно вспомнить имена Дж. Ассанжа, Э. Сноудена, журналистов — Х. Зайпеля, У. Ульфкотте, К. Йебсена, Дж. Хашогги (убитого 2 октября 2018 г.), режиссера О. Стоуна.

Фейковые новости в основной своей массе оптимизированы (в широком смысле) и привлекают внимание самой разнообразной аудитории; это — не спонтанные, бессмысленные послания скупающих обывателей, не бред душевнобольных, это — сверхкачественный контент, товар, отвечающий всем требованиям маркетинга. Профессионально сконструированный текст или «информационный кокон» соответствует пяти правилам журналистики, т. е. в нем можно найти ответы на вопросы: кто, что, где, когда, почему? «Манера» подачи материала — эмоциональная, нестандартная. И самое главное — авторы предлагают готовые решения, выводы, алгоритмы. Однако подобные информационные ресурсы имеют отличительные особенности — нарочитую упрощенность и «заданность» контента.

Не стоит забывать о полифункциональности феномена «fake news»:

1) с одной стороны, заведомо ложная, искаженная, но тщательно подобранная, переработанная информация (фейк) обладает всеми признаками привлекательности, производит «неизгладимое» впечатление на обывателей, так как усыпляет бдительность, притупляет тревогу, позволяет не думать о дне грядущем, о собственной неустраиваемости;

2) с другой — фейк может вызвать панику, явиться катализатором протестов, массовых беспорядков (наиболее наглядно это проявилось в событиях, связанных с «цветными революциями») [16, с. 79—82; 19; 31, с. 139—144].

Эстетизация лжи, цинизма, совершение алогичных, скандальных поступков в публичном пространстве во имя репостов, брутальных презентаций в виде хулиганских выходов, культивирование особого «двойственного» (или «расщепленного») восприятия — это тоже постправда, а точнее, фейк о радикальном («политическом») искусстве. Российские арт-экстремисты (П. Павленский и его последователи), ультралевые маргиналы из числа «желтых жилетов», каталонские студенты-анархисты и т. д. совершают поджоги «из любви к искусству», объявив вандализм актом протестного творчества [30, с. 154—167; 34, с. 11].

Западная цивилизация предельно рациональна, поэтому нет никаких оснований предполагать, что в условиях информационного общества третьего тысячелетия «золотой миллиард» в одночасье «обезумел». Да, действительно, социальные сети переполнены психотравмирующим контентом, но (!) «разъедающий» сознание, «токсичный» информационный поток четко дозирован, спланирован и организован. Контроль за мыслями граждан, деятельностью СМИ в развитых странах беспрецедентен (справедливости ради напомним о существовании еще более жесткой системы тотального контроля в коммунистическом Китае). Мнимая «вседозволенность» (в виде фейкового мышления) — не более чем манипулятивный прием, миф, иллюзорная конструкция (причем чрезвычайно эффективная и убедительная).

Не случайно в современных научных исследованиях все чаще ведут речь о негативном воздействии сети Интернет, да и СМИ в целом, на сознание и поведение граждан, безопасность общества [6; 7; 11; 22; 32].

Длительное время считалось, что «сами по себе» технологии нейтральны и лишь люди по своему разумению используют их во благо или во вред. Безусловно, так и есть, но сегодня все чаще упоминается еще одно обстоятельство, которое нельзя игнорировать — постоянная, профессиональная работа с электронными ресурсами способна изменить психику, мировоззрение, запросы, потребности. Массы пользователей попадают в зависимость от социальных сетей или вредных информационных воздействий [5, с. 46—52; 18, с. 4—5; 28, с. 52—56; 29, с. 413—420]. Опасность эта особенно усиливается в условиях программируемого, цифрового общества [8; 9].

Открыто стоит вопрос о кибербезопасности, а также о слабой защищенности граждан от клеветы, недобросовестных манипуляций в интернете [1, с. 651—

653; 10, с. 236—248]. В качестве яркого примера можно рассматривать многолетнюю войну Д. Трампа с либеральными СМИ («Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Дейли мейл»). В марте 2020 г. президент консерватор перешел от обороны в «Твиттере» к нападению — подав в суд на «черных пиарщиков». Д. Трамп требует извинений, опровержений и выплаты компенсаций [4, с. 7].

Еще один пример связан с «истерией» вокруг эпидемии, вызванной коронавирусом. Так, несмотря на наличие подтвержденных данных о естественной природе вируса, американские политики обвинили Китай, Россию и Иран в умышленной дезинформации, угрожающей национальной безопасности США [15]. Показателен и случай с российской помощью жителям Италии (оказанной по просьбе итальянского премьер-министра). Европейские СМИ предприняли неудачную попытку дискредитировать этот жест доброй воли.

Ответственность за распространение недостоверных сведений (а фактически — дезинформации) существует во всех цивилизованных странах, причем ответственность эта дифференцированная и зависит от степени общественной опасности и от последствий. Как правило, законодательство обязывает администраторов социальных сетей отслеживать контент (насколько это возможно), а также незамедлительно реагировать на обращения (сообщения) пользователей о вредоносном содержании конкретного текста (например, откровенно лживого, клеветнического), со всей серьезностью воспринимать сигналы о якобы готовящихся террористических актах. В нашей стране существуют определенные трудности. Так, если мы рассматриваем «иностранные» социальные сети, то взаимодействие невозможно — зарубежные администраторы не идут на контакт с российскими правоохранителями.

Есть еще несколько важных моментов, на которых стоит остановиться. Во-первых, едва «появившись на свет», фейк начинает цитироваться и моментально приобретает статус «проверенной», «апробированной» информации. Во-вторых, по-прежнему крайне сложно отследить первоначальный источник. В-третьих, если источник определен, то возникает новый вопрос: где и как искать злоумышленника-анонима, который постоянно меняет свою «дислокацию» [17, с. 3; 19].

Напомним, что 13.03.2019 г. Совет Федерации одобрил поправки в Закон об информации и в Кодекс об административных правонарушениях, устанавливающие ответственность за распространение заведомо ложной информации.

В заключение данной статьи представляется возможным сформулировать ряд наиболее существенных положений. Неолиберальный проект «постправда» представляет собой глобальную проблему, угрожающую основам существующего миропорядка. «Расшатывание» права, дискредитация доверия, создание деструктивного контента, способствующего маргинализации, повышению уровня виктимности, подпитывающего экстремистские настроения — все это не может не вызывать обеспокоенности.

Повсеместное распространение не вполне соответствующих действительности, а порой откровенно лживых сведений, новостей и т. д. дезориентирует население, создает «благоприятную» почву для опасных информационных воздействий, нарушает критичность. Со временем восприятие социальных процессов у наиболее восприимчивых и менее образованных граждан становится крайне поверхностным, в мыслительной сфере начинают преобладать эмоционально-окрашенные игровые мотивы, люди стремятся соответствовать «стандартам» цифрового мира, вот только создают эти стандарты (правила игры) искусные манипуляторы.

Не вызывает сомнений, что фейк — вершина айсберга. Сама же неолиберальная концепция постправды способна мобилизовать гибридные психотехнологии с мощнейшим разрушительным потенциалом и широкими манипулятивными возможностями. Концепция рассчитана на молодое поколение, представители которого обладают хотя бы минимальной компьютерной грамотностью, интеллектуалы не приветствуются. Краеугольный камень концепции — формирование гедонистических установок, создание иллюзии сопричастности к глобальному потребительскому сообществу, которое способно сделать человека счастливым (без затрат, без усилий, «здесь и сейчас»). Национальная самоидентификация воспринимается как архаика. Память, мышление, интеллект — опосредованы социальными сетями. Сознание — фрагментарно. Все важные события и достижения связываются с репостами. Таким образом, миф о том, что благодаря информационным технологиям естественный мир безвозвратно растворился в новой реальности (гибридной, виртуальной и т. д.) оказался очень привлекателен, тем более, что в нем нет мук совести, нет ответственности, отсутствует даже слабый намек на этические принципы, а грани между правдой и ложью «незаметно» стираются.

Как показывает история, человечество склонно обманываться и наступление эпохи постправды служит этому подтверждением. Мифологизированная ложь — это попытка западных неолибералов присвоить старому, обветшалому «Кораблю дураков» Себастьяна Бранта новое имя.

Литература

1. Артебякина Н.А., Макарова Т.А. Проблемы защиты прав частного обвинителя по делам о клевете // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 651—660. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).651-660.
2. Будрайтскис И., Шурипа С. Постправда — истина на рынке // Художественный журнал. 2019. № 109. С. 64—73.
3. Владислав Архипов «Персональные данные в эпоху постправды» [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/spb1724> (дата обращения 30 марта 2020).
4. Гасюк А. За «фейк-ньюс» заплатят // Российская газета. 2020. 6 марта. С. 7.
5. Гурочкина А.Г. Скрытые формы речевого воздействия в непрямой коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 46—52.

6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. 2018. № 1(17). С. 62—70.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11—19.
8. Захарцев В.П., Сальников В.П. О праве в программируемом обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла) : сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. С. 93—99. 368 с.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компаративной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189—194.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2018. Вып. 2(102). С. 102—106.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 1. С. 128—132.
13. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. 2017. № 1. С. 120—139.
14. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 69—94.
15. Китай ответил на обвинения США в дезинформации о коронавирусе. URL: <http://ria.ru/20200323/1569006301.html> (дата обращения — 30 марта 2020 г.).
16. Красовская Н.Р., Гуляев А.А., Юлина Г.Н. Фейковые новости как феномен современности // Власть. 2019. № 4. Т. 27. С. 79—82.
17. Кузьмин В. Премьер уполномочен заявить // Российская газета. 2019. 26 ноября. С. 3.
18. Петрашевская Е.С. Способы противодействия манипуляции в межличностных отношениях // Прикладная психология и психоанализ. 2019. № 1. С. 4—5.
19. Попали в сети?! // «Место встречи» с А. Норкиным. Инф.-аналит. программа [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.youtube.com/playlist?list=PLSgy-gJ-dkS9KGmySidWwCHs2MxnzF1s> (дата обращения — 30 марта 2020 г.).
20. Постправда: Post-truth declared word of the year by Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.bbc.com/news/uk-37995600> (дата обращения — 30 марта 2020 г.).
21. Постправда: модное словцо, эпоха в истории, фикция? // «Тем временем. Смыслы» с А. Архангельским. Инф.-аналит. программа [Электронный ресурс]. URL.: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2130750/video_id/2155338/viewtype/picture/ (дата обращения — 30 марта 2020 г.).
22. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. 1999. № 1. С. 26—27.
23. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. 2014. № 3. Том 19. С. 1096—1099.
24. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 70—86.
25. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47—66.
26. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 11—32.
27. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. 2018. № 1. С. 139—150.
28. Селина А.Л. Методика анализа семантических аспектов информационной безопасности личности // Вестник науки и образования. 2020. № 2(79). Ч. 1. С. 52—56.
29. Третьяков И.Л. Криминальные манипулятивные воздействия на несовершеннолетних с использованием интернет-технологий: вопросы противодействия // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Междунар. науч.-теор. конф., 25—26 октября 2019 г. СПб. : Политех-Пресс, 2019. С. 413—420.
30. Третьяков И.Л. Поджоги российских акционистов: искусство, безумие или вандализм с хулиганством? (Взгляд криминолога) // Мир политики и социологии 2019. № 6. С. 154—167.
31. Третьяков И.Л. Типология лиц, склонных к поджогам и хулиганству во время проведения уличных протестов // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 139—144.
32. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 23—31.
33. Черников М.В., Перевозчикова Л.С. Проблема правды в современном обществе // Философия и общество. 2019. № 1 С. 95—110. DOI: 10.30884/jfio/2019.01.06.
34. Швыдкой М. Искусство между ритуалом и вандализмом // Российская газета. 2019. 16 января. С. 11.

Рецензент: Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: fonduniver@mail.ru